

Новые направления и каналы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции

Цыбаков Д. Л.^{1,*}, Саломатина А. А.²

¹ Академия гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика, Химки, Российская Федерация; *d413839@yandex.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), Орел, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В данной статье рассматривается проблема трансформации государственно-гражданского диалога в условиях политической нестабильности. Целью исследования выступает анализ процесса развития гражданского общества Российской Федерации в период после начала специальной военной операции 2022 г. Исследуется потенциал общественных объединений в качестве партнера государственной власти в обстановке вооруженного конфликта.

Применялись приемы междисциплинарного теоретического анализа, включая исторический, компаративистский, структурно-функциональный методы. В статье формулируется авторский тезис о необходимости корректировки традиционных научных подходов о содержании и приоритетах взаимодействия между государственной властью и общественными объединениями в современной России. В качестве основного фактора государственно-гражданского диалога определяется феномен «гражданской мобилизации» российского общества. Причиной патриотического подъема после начала СВО называется понимание массовым сознанием необходимости участия «третьего сектора» в защите национально-государственных интересов Российской Федерации. Обосновано представление о появлении новых направлений государственно-гражданского взаимодействия. Такими направлениями называются формирование народного оборонно-промышленного сектора, информационно-психологическое противоборство, оказание гуманитарной поддержки и участие в социальной реабилитации участников СВО и жителей, пострадавших от военных действий регионов. Сделаны выводы о возможности преодоления традиционных проблем развития «третьего сектора» в условиях приобщения общественных объединений к решению задач политики национальной безопасности.

Ключевые слова: специальная военная операция, гражданское общество, общественные объединения, взаимодействие, диалог, государственная власть, «третий сектор»

Для цитирования: Цыбаков Д. Л., Саломатина А. А. Новые направления и каналы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 123–131.

New Directions and Channels of State-Civil Interaction in Russia During the Special Military Operation

Dmitrij L. Tsybakov^{1,*}, Aleksandra A. Salomatina²

¹ The Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D. I. Mikhailik, Khimki, Russian Federation; *d413839@yandex.ru

² Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Central Russian Institute of Management-branch of RANEPA), Orel, Russian Federation; aleksandrasalomatina98@mail.ru

ABSTRACT

This article examines the problem of transformation of the state-civil dialogue in conditions of political instability. The purpose of the study is to analyze the process of development of

civil society in the Russian Federation in the period after the start of the Special Military Operation in 2022. The potential of public associations as a partner of state power in an armed conflict is being investigated. The methods of interdisciplinary theoretical analysis, including historical, comparative, structural and functional methods, were used. The article formulates the author's thesis on the need to adjust traditional scientific approaches to the content and priorities of interaction between government and public associations in modern Russia. The phenomenon of "civil mobilization" of the Russian society is defined as the main factor of the state-civil dialogue. The reason for the patriotic upsurge after the start of the SVO is called the understanding by the mass consciousness of the need for the participation of the "third sector" in the protection of the national and state interests of the Russian Federation. The idea of the emergence of new directions of state-civil interaction is substantiated. Such areas include the formation of the national defense industry sector, information and psychological warfare, humanitarian support and participation in the social rehabilitation of participants in the SOV and residents of regions affected by military operations. Conclusions are drawn about the possibility of overcoming the traditional problems of the development of the "third sector" in the context of involving public associations in solving the tasks of national security policy.

Keywords: special military operation, civil society, public associations, interaction, dialogue, state power, "third sector"

For citing: Tsybakov D. L., Salomatina A. A. New Directions and Channels of State-Civil Interaction in Russia During the Special Military Operation // Administrative consulting. 2024. N 5. P. 123–131.

Введение

В условиях проведения специальной военной операции (далее — СВО), начавшейся 24 февраля 2022 г., принципиально трансформировалось содержание взаимоотношений государства и гражданского общества в Российской Федерации. Для решения проблем государственной политики в отмеченный период интенсивно привлекаются общественные объединения, аккумулирующие инициативы граждан, включая социальную, санитарно-медицинскую, гуманитарную и юридическую поддержку участников СВО. Тем самым придается новое содержание такой отрасли развития отечественной модели становления «третьего сектора», как государственно-гражданское взаимодействие.

Отмеченная проблематика традиционно пребывает в фокусе внимания исследовательского сообщества современной России. Определение реальных контуров государственно-гражданского диалога в Российской Федерации занимает центральное место в ряде работ современных политологов: Т. В. Растимешиной, Ф. С. Антонова, Х. А. Кобелевой, И. В. Рукавишниковой [7; 5; 8]. В то же время в науке отмечается определенный дефицит представлений о функциональном наполнении государственно-частного партнерства в современных условиях. Очевидно, что бытующие сегодня представления сформировались преимущественно в период внутривнутриполитической стабилизации и сбалансированного состояния международных отношений, характерных для 2010-х гг. Оценка современного теоретико-политического корпуса показывает, что приоритетом для значительной части российских политологов и экспертов длительное время оставалось освещение политико-экономического потенциала взаимоотношений по линии «общество — государство».

Научное осмысление государственно-гражданского взаимодействия в постсоветской России

Как десятилетие назад, так и в 2020-х гг., для отечественной политической мысли относительно рассмотрения перспектив «третьего сектора» был характерен

определенный «экономический детерминизм». Так, в работах одного из наиболее известных исследователей постсоветского политического процесса, профессора Ю. В. Ирхина, среди десяти первоочередных функций, выполняемых негосударственными сообществами, в первую очередь выделяются задачи, призванные содействовать реализации баланса интересов между государством и бизнес-сообществом и транснациональными субъектами. Наряду с такими очевидными направлениями деятельности, как общественный контроль, участие в законотворческом процессе, экспертная деятельность и независимый аудит, выделяются задачи по обеспечению развития экономики рыночного типа и свободной конкуренции, защита прав граждан как потребителей услуг государственного и муниципального секторов, развитие теории и практики менеджизма, взаимодействие с международными ассоциациями и арбитражами [4, с. 16].

В свою очередь, реальное состояние отношений между государственной властью и «третьим сектором» оценивалось в научных кругах весьма противоречиво. Так, Т. В. Растимешина и Ф. С. Антонов выделяли в качестве опорного субъекта взаимодействия с государством такой вид объединений, как некоммерческие организации. Именно эти акторы определялись в качестве эффективного партнера публичной власти в деле социального патронажа и благотворительности. Более широко функции российских НКО трактовались в качестве накопления потенциала мобилизации социальной и гражданской активности граждан России, преодоления аморфности и инфантилизма различных агрегаций современного общества [7, с. 179]. В то же время для ситуации начала 2020-х гг. характерным признавались следующие проблемы государственно-гражданского диалога: недостаточный уровень устойчивости механизмов кооперации и взаимоподдержки негосударственного сектора; снижение легитимности общественных организаций в общественном мнении; неспособность гражданских институтов к постановке и реализации стратегических задач; нивелирование самодеятельных со стороны органов власти и политических элит; внедрение квазигражданских форм институционализации «третьего сектора»; отчужденность от общественной деятельности экономически и социально состоявшихся граждан.

Следствием чего становилась бюрократизация и формализм работы гражданских структур, включая их фактическую подотчетность управленческим структурам регионов и муниципалитетов. На фоне чего попытки государства законодательно упорядочить деятельность институтов, имеющих альтернативные источники обеспечения и поддержки, нередко воспринимались как авторитарные и централизаторские тенденции, невзирая на очевидную ангажированность ряда негосударственных СМИ и правозащитных объединений, получающих финансирование и консультации из-за рубежа. В то время как эскалация напряженности в отношениях России и ее геополитических конкурентов в период после 2022 г. доказывает объективность и оправданность действий публичной власти по защите национального суверенитета, включая юридически обоснованную сегрегацию деструктивно ориентированных квазигражданских субъектов.

В современных реалиях представляется очевидным, что оценка содержания государственно-гражданского диалога современной России требует акцента на факторе внешнего вызова в состоянии постсоветского политического процесса, наличие которого долгое время не принималось во внимание научным и экспертным сообществами. Однако конфронтация между Россией и Западом, развернувшаяся после начала СВО, логическим образом должна иметь последствия не только для непосредственно сферы национальной безопасности нашей страны, но и для всего спектра государственно-гражданских отношений.

Между тем, вопрос о развитии гражданского общества в условиях военного времени и вооруженного конфликта к настоящему времени остается одной из ла-

кун политической мысли. В российском теоретическом наследии отмеченная проблема исследовалась преимущественно в контексте исторического опыта. Так, И. С. Туманова обосновывала наличие в негосударственной сфере активистского потенциала, способного на деле выразить отношение общества к происходящей войне [9, с. 54]. Согласно ее разработкам в системе социальной действительности по определению содержится необходимый мобилизационный потенциал, способный к воспроизводству в обстановке политической нестабильности.

Несколько более подробно тема вовлеченности общественных структур в военно-политические конфликты прорабатывалась в зарубежной политологии. Так, по мнению итальянского ученого Р. Маркетти, общественные субъекты в современных условиях становятся обязательными участниками конфликтов различной степени интенсивности, в первую очередь — внутригосударственных. Политическая значимость гражданского общества может проявляться в способности его субъектов генерировать конфликтотенный потенциал и доносить его до высших эшелонов государственной системы. Все более усложняющаяся природа современного военно-политического противоборства создает условия для появления совершенно новых типов гражданских инициатив, которые нацелены на корректировку или дополнение политики публичной власти в сфере национальной безопасности. Следует полагать оправданным акцентирование внимания Р. Маркетти на теме «гражданской мобилизации» [6], которая, по мнению ученого, детерминирована экзистенциальным характером политики: проигрыш в войне понимается обществом не только как поражение власти или политической элиты, но и как национальная катастрофа. Именно в случае понимания перспектив подобного развития событий в массовом сознании в социальной практике происходит выдвижение инициатив граждан по защите национально-государственных интересов.

В зарубежной политической теории с начала XX столетия обращалось внимание на «военное измерение» государственно-гражданских отношений. Так, в трудах автора концепта «полиархии» Р. Даля доказывалось тождество между учреждением политического режима демократии и наличием «вооруженной нации», институционализированной благодаря наличию милиционных формирований, т. е. «вооруженного народа», в структуре военной организации государства [3, с. 374].

Примерами может быть названо распространение многообразных практик государственно-частного партнерства в периоды военно-политического противостояния принципиального характера. Как показывает практика, во время высших проявлений межцивилизационных или идеологических противоречий государственная власть, несмотря на степень демократизации политической системы, заинтересована в максимальной общественной поддержке. Зачастую государство не имеет иного выхода, кроме как обращения к потенциалу негосударственного сектора в целях сохранения своего легитимного характера в условиях бескомпромиссной военно-политической борьбы.

Приоритеты взаимодействия общества и государства в условиях СВО

Применительно к ситуации в российском гражданском обществе вступление социума в конфликтный период неизбежно должно было сопровождаться трансформациями в сфере отношений власти и «третьего сектора». Исследователями и ранее обосновывалась особая роль публично-властных институтов в формировании российской модели гражданского общества. Например, в разработках Л. Ю. Грудцыны доказывалось выдвижение в качестве приоритета содействие формированию гражданских институтов, при отказе от прямого администрирования аффилированных с властью общественных организаций [2, с. 55].

Требуется прояснения вопрос об определении сущности тех процессов модернизации «третьего сектора» России, что проявили себя после начала СВО в феврале 2022 г. Экспертами на основе компаративистского анализа выделяются существенные проблемы в отношениях между властными институтами и общественными структурами в странах, не только относимых к разряду авторитарных или «смешанных режимов», но и причисляемых к категории либеральных демократий. Обработка данных социологических опросов все чаще показывает, что государственно-гражданский диалог все чаще приобретает деконсолидирующий и конфликтный характер [10, с. 98]. Тем самым детерминирована нарастающая отчужденность социальных групп от государственной политики. Укрепляются убеждения о неспособности действующих правительств рационально решать актуальные общественные проблемы.

Одновременно с чем, согласно исследованиям И. С. Шушпановой, начало СВО в феврале 2022 г. оказало позитивные последствия для социально-политической консолидации гражданских сообществ и публичной власти [10, с. 108]. Следствием чего признается повышение политического лоялизма в обществе, а также укрепление общенационального доверия по отношению к институтам политической власти. Необходимо указать, что сплочение общества и возрастание патриотических настроений фиксируется в общественном сознании не впервые и не только в связи с реакцией на внешнюю угрозу после февраля 2022 г. Ровно такое же восприятие встретили незаконные западные санкции в связи с событиями «Русской весны» 2014-го. Тогда эмпирическим путем были выявлены интегративные последствия навязанной Западом конфронтации, что проявилось в солидаризации позиций практически всех социальных агрегаций российского общества [7, с. 152].

Представляется, что изложенные выше тезисы могут быть дополнены. В ситуации 2022–2024 гг. со стороны «третьего сектора» Российской Федерации наблюдается не только лоялизм по отношению к стратегическим решениям государственной власти, но и очевидное порядковое возрастание активности и инициативы гражданских институтов. Сложившаяся ситуация доказывает необходимость поиска новых форм и каналов взаимодействия общества и органов государственной власти, где в эпицентре государственно-частного партнерства будет пребывать деятельность социально ориентированных организаций. Востребованность активизации последних имеет под собой объективные основания: значительное количество участников военных действий, а также жителей охваченных ими регионов еще длительное время будут нуждаться в реабилитации и социальной адаптации.

Согласно мнению авторов, масштаб вопросов обеспечения национальных интересов современной России, актуализировавшихся после начала СВО, потребовал подключения к их решению широких социальных слоев. В то же время общественный подъем, сопровождавший политику власти по защите соотечественников Новороссии, имеет определенные исторические параллели, но обладает несомненной современной спецификой.

Оценка традиций сотрудничества властных институтов и общества в нашей стране показывает, что при всяком нарастании внешней опасности российский социум отвечал высоким патриотическим подъемом и готовностью жертвовать собственными утилитарными интересами для идей спасения Отечества. Государство опиралось на массовую социальную поддержку во всех судьбоносных столкновениях с вражескими коалициями — от Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны 1853–1856 гг. до Первой мировой войны и отражения гитлеровской агрессии. Во все перечисленные периоды общественные круги напрямую обращались к такому государственному институту, как действующая армия, с целью оказания как всемерной моральной поддержки, так и посильной практической помощи. Причем в ряде случаев позиции общественных деятелей могли и опе-

режать волеизъявление властвующих элит, как это было накануне Балканской войны 1877–1878 гг. Именно активность ряда славянофильских объединений, которая простиралась вплоть до организации повстанческого движения в угнетаемых регионах Османской империи еще до начала официальных военных действий, способствовала осознанию монархией необходимости решительной поддержки идеи освобождения славян.

Несомненные аналогии можно провести и в связи с современными событиями, имевшими место за несколько лет до начала СВО. После эмоционального подъема на фоне событий «Русской весны» 2014 г. и начала национально-освободительной борьбы на Донбассе в структуре российского «третьего сектора» стал проявлять себя особый сегмент, нацеленный на прямое содействие населению и вооруженным силам провозглашенных народных республик. Наибольшая активность волонтерских сообществ и групп подобного рода наблюдалась в период от народных референдумов в ЛДНР в мае 2014 г. до подписания вторых Минских соглашений 2015 г. В последующем на фоне перехода противостояния на Донбассе в фазу низкой интенсивности общественное внимание к теме поддержки соотечественников в Новороссии стало снижаться. На протяжении длительного времени оно аккумулировалось преимущественно в деятельности объединений ветеранов этого конфликта — «Союза добровольцев Донбасса» и общественного движения «Новороссия», а также связанных с ними неформальных волонтерских групп и информационных ресурсов.

Однако именно малочисленные, но достаточно компетентные и мотивированные добровольческие сообщества, такие как долгое время содействовавший народной милиции Луганской народной республики Координационный центр помощи Новороссии (КЦПН), выступили в качестве образца для артикуляции общественных патриотических инициатив после начала СВО в 2022 г. Подключение все новых социальных групп и агрегаций России в процесс государственно-гражданского взаимодействия может быть синхронизировано с важными ключевыми этапами СВО периода 2022–2024 гг.

Первым из таких событий следует признать восстановление в структуре российских Вооруженных сил иррегулярного компонента, который начал формироваться в форме региональных добровольческих батальонов и отрядов Боевого армейского резерва специального (БАРС) с весны 2022 г. Добровольческие части во многом экипировались и снабжались за счет возможностей властей субъектов Российской Федерации, а также получали поддержку со стороны негосударственных организаций и фондов. Практика деятельности подобных формирований включала в себя и ряд признаков, более характерных для гражданских институтов, нежели для подразделений кадровой армии — частичная выборность командного состава, самостоятельная кадровая политика, альтернативные источники материального обеспечения, отсутствие или неупорядоченность контрактных отношений с органами военного управления, что было устранено только в конце 2023 г. В то же время поддержка обществом компонентов военной организации государства достаточно быстро перешла за рамки традиционной гуманитарной помощи. В связи с принципиально изменившимся характером военных действий многие инновации и технологические разработки предоставлялись армии различными инициативными группами, в скором будущем структурировавшимися в народный оборонно-промышленный комплекс.

Вторым этапом развития государственно-гражданского взаимодействия во время СВО следует признать нарастание прямой военной и террористической опасности для освобожденных регионов Новороссии и приграничных субъектов Российской Федерации осенью 2022 г. Эти события потребовали от общества сосредоточения усилий на оказании гуманитарной поддержки и социальной ре-

абилитации жителей пострадавших территорий. Ответом стала массовая общественная активность и ее смещение на локальный и муниципальный уровни. Во многих случаях вновь образовавшиеся группы и сообщества, как юридически оформленные, так и неинституционализированные, выступали и продолжают выступать наиболее активными представителями «третьего сектора» в провинциальных муниципиях.

Третий этап интенсификации государственно-гражданского диалога связывается с проведением частичной мобилизации в ряды российских Вооруженных сил в октябре — ноябре 2022 г. На практике произошло частичное возрождение концепции «вооруженного народа» через восстановление проекта массовой армии. Результатом смены курса государственной политики, фактически пересмотревшей продвигаемую в постсоветское время модель профессиональной армии, стали приобщение к потребностям функционирования военной организации широких слоев российского социума. Что выразилось в эволюции субъектного состава и функционального предназначения институтов гражданского общества. Во-первых, принципиально преобразовалась область компетенции организаций «третьего сектора», которые впервые за многие десятилетия обратились к прямой поддержке воюющей армии и населения пострадавших от военных действий регионов. В итоге многие типологические разновидности гражданских объединений, изначально созданные для решения широкого круга социально значимых задач, теперь сосредоточились в том числе на оказании гуманитарной и негуманитарной поддержки Вооруженным силам. Во-вторых, к взаимодействию с военной организацией государства в инициативном порядке приобщились самодеятельные волонтерские группы и сообщества, возникшие специально для решения проблем обеспечения национальной безопасности.

Заключение

Принципиальное сближение военного и партикулярного секторов общественных отношений имело следствием выделение новых секторов и каналов государственно-частного партнерства в современной России. Помимо традиционных функций, которые обычно исполняются «третьим сектором» в ситуации вооруженного конфликта — оказание гуманитарной помощи и социальной поддержки, всё отчетливее проявляются новые направления диалога между публичной властью и инициативными гражданами. Наиболее известны среди них такие сферы самодеятельных инициатив, как народное оборонное производство, развитие оборонных научных разработок и технологий, ведение информационно-психологического противоборства, обеспечение поддержки российской внешней политики со стороны гражданских сообществ зарубежных государств. Связующим звеном между различными секторами государственно-гражданского сотрудничества все чаще становятся сетевые сообщества, преимущественно структурированные посредством возможностей интернет-сети Telegram.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что вновь возникшие направления и каналы государственно-гражданского взаимодействия оказались способны внести посильную лепту в преодоление таких негативных факторов, как отчужденность власти и общества, социальная индифферентность и нигилизм.

Таким образом, масштаб и направленность событий СВО объективно детерминируют судьбоносные трансформации развития гражданского общества России XXI столетия, способствуют формированию новых каналов и направлений сотрудничества между социально активными гражданами и органами государственной власти. Возникает перспектива превращения участия в защите национально-государственных интересов в один из ведущих факторов модернизации «третьего сектора» в Российской Федерации.

Литература

1. Воржецов А. Г. Проблемы консолидации современного российского общества / А. Г. Воржецов // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN: WHYILH.
2. Гребенников В. В. Государство, народ и гражданское общество в России / В. В. Гребенников, Л. Ю. Грудцына // Новый юридический журнал. 2015. № 3. С. 46–55. EDN: YOSPAN.
3. Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. Под ред. М. В. Ильина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 576 с.
4. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или воздействующее? / Ю. В. Ирхин // Ars Administrandi (Искусство управления). 2010. № 1. С. 3–16. EDN: NHHHBJ.
5. Кобелева Х. А. Особенности взаимоотношений государства и гражданского общества в России и Украине в конце XX — начале XXI в / Х. А. Кобелева // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 32–34. EDN: LHQNVB.
6. Маркетти Р. Роль гражданского общества в конфликтах: от эскалации до милитаризации // Валдайские записки. 2015. № 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/civil-society-in-conflicts-from-escalation-to-militarization/> (дата обращения: 01.06.2024).
7. Растимешина Т. В. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством / Т. В. Растимешина, Ф. С. Антонов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1(21). С. 168–179. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-1-168-179. EDN: ZCNQTR.
8. Рукавишникова И. В. Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества / И. В. Рукавишникова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 3 (46). С. 66–70. EDN: QCEMAX.
9. Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 327 с.
10. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ / И. С. Шушпанова // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8. EDN: KARUHB.

Об авторах:

Цыбаков Дмитрий Леонидович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России имени генерал-лейтенанта Д. И. Михайлика (Химки, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; d413839@yandex.ru

Саломатина Александра Александровна, аспирант Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Российская Федерация); aleksandrasalomatina98@mail.ru

References

1. Vorozhtsov A. G. Problems of consolidation of modern Russian society. Power [Vlast']. 2016. Vol. 24, N 7. P. 148–152. EDN: WHYILH (In Russ.)
2. Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Y. The state, the people and civil society in Russia. New law journal [Novy'j yuridicheskij zhurnal]. 2015. N 3. P. 46–55. EDN: YOSPAN (In Russ.)
3. Dahl R. Democracy and its criticism. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2003. 576 p. (In Russ.)
4. Irkhin Yu. V. Civil society in modern Russia: managed, managed or managed? Ars Administrandi (Art of Management) [Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)]. 2010. N 1. P. 3–16. EDN: NHHHBJ (In Russ.)
5. Kobeleva H. A. Features of interaction between the state and civil society in Russia and Ukraine at the end of the XX — beginning of the XXI century. Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2009. N 319. P. 32–34. EDN: LHQNVB (In Russ.)
6. Marchetti R. Civil society in conflicts: from escalation to militarization [Electronic resource]. Valdai Papers. 2015. N 28. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/civil-society-in-conflicts-from-escalation-to-militarization/> (date of access: 06/01/2024). (In Russ.)

7. Rastimeshina T.V., Antonova F.S. The formation and development of civil society institutions and their interaction with the state. Economic and socio-humanitarian studies [Ekonomicheskie i social'no-gumanitarny'e issledovaniya]. 2019. N 1 (21). P. 168–179. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-1-168-179. EDN: ZCNQTR (In Russ.)
8. Rukavishnikova I.V. Civil initiative as a tool of civil society. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2014. N 3 (46). Pp. 66–70. EDN: QCEMAX (In Russ.)
9. Tumanova A.S. Public organizations of Russia during the First World War (1914 — February 1917). Political Encyclopedia. 327 p. (In Russ.)
10. Shushpanova I.S. Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the context of a special military operation: a sociological analysis. Nauka. Culture. Societies. 2022. Vol. 28, N 4. P. 97–108. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.8. EDN: KARUHB (In Russ.)

About the authors:

Dmitry L. Tsybakov, Professor of the Department of State and Municipal Management of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailik (Khimki, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Associate Professor; d413839@yandex.ru

Aleksandra A. Salomatina, postgraduate student at the Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation); aleksandrasalomatina98@mail.ru